

Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

К ЧЕМУ МОЖНО ПРИВЫКНУТЬ И ОТ ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ОТВЫКНУТЬ: К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ А. ПЛАТОНОВА

© 2021 г. С. Нонака

*Сайтамский государственный университет,
Сайтама, Япония*

Дата поступления статьи: 03 августа 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 12 сентября 2021 г.

Дата публикации: 25 декабря 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-300-313>

Работа выполнена при финансовой поддержке Japan Association for the Promotion of Science (kakenhi № 20H01246)

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению употребления глагола «привыкнуть» в художественных произведениях А.П. Платонова. Данное слово у него отличается особенным «платоновским» употреблением, которое показывает своеобразное понимание «временной» сущности человеческой жизни, противоречащей плановому мышлению утопизма, характерного для писателя в молодости, и социализма вообще. По мере того как Платонов становился старше, переживая многие трагедии, такие как скоростная смерть сына и Великая Отечественная война, он всё больше склонялся к мнению, что «привыкание» составляет один из самых главных моментов человеческой жизни, чего бы оно ни касалось: горя, смерти и даже счастья и любви. Можно назвать это «традиционалистским углублением» Платонова, если учесть, что традиционализм или консерватизм отличается подчеркиванием значения привычек и обычаев в обществе, формировавшихся течением времени, а не силой идеала или теории. В целом можно сказать, что творчество Платонова характеризует антиномия между плановым мышлением и привыканием, идеалом и привычной жизнью.

Ключевые слова: Андрей Платонов, «привыкнуть», временная сущность человеческой жизни, военные рассказы, традиционализм.

Информация об авторе: Сусуму Нонака – PhD in Philology, профессор, Сайтамский государственный университет, филологический факультет, Сайтама, Сакура-ку, Симо-Окубо, 338-8570 Япония.

E-mail: nonaka@mail.saitama-u.ac.jp

Для цитирования: Нонака С. К чему можно привыкнуть и от чего нельзя отвыкнуть: к вопросу о традиционализме А. Платонова // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 300–313. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-300-313>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

WHAT YOU CAN GET USED TO AND WHAT YOU CANNOT: TOWARDS THE QUESTION OF PLATONOV'S TRADITIONALISM

© 2021. Susumu Nonaka

Saitama University, Saitama, Japan

Received: August 03, 2021

Approved after reviewing: September 12, 2021

Date of publication: December 25, 2021

Acknowledgements: The work was financially supported by Japan Association for the Promotion of Science (kakenhi № 20H01246).

Abstract: The article examines the use of a Russian verb “privyknut’ (get used to)” in the fiction of Andrey Platonov. The use of this verb in his works is full of special connotations typical for his prose that reveal his understanding of the “temporal” being of a human life. This perspective is opposed to the “plan-based thinking” of utopianism which played an important role in Platonov’s earlier period and in socialism generally. However, as he grew older, with many tragedies including his son’s early death and the World War II, he started to realize that “getting used to” is one of the main moments in the life of human existence, whatever it concerns — grief and death or happiness and love. It is possible to call this change of Platonov’s thought a “traditionalist deepening” should we consider that traditionalism or conservatism entails the importance of customs and habits that were developed in the society over time and not by the power of ideas and theories. In general, we can conclude that it is the antinomy between the “plan-based thinking” and the “getting used to,” ideals and ordinary life that characterizes Platonov’s fiction.

Keywords: Andrey Platonov, “getting used to,” temporal essence of a human life, war prose, traditionalism.

Information about the author: Susumu Nonaka, PhD in Philology, Professor, Saitama University, Saitama, Sakura-ku, Simo-Okubo 255, 338-8570 Japan.

E-mail: nonaka@mail.saitama-u.ac.jp

For citation: Nonaka, S. “What You Can Get Used to and What You Cannot: Towards the Question of Platonov’s Traditionalism. *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 300–313. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-300-313>

Как иностранный читатель произведений А.П. Платонова, я нередко сталкиваюсь со словами, которые (почти) каждый раз впечатляют меня и заставляют задуматься о том, что писатель хочет передать с их помощью. К таким словам относится «привыкнуть». Глагол обыкновенный, но под пером А.П. Платонова он часто отличается особым звучанием и значением. Как мы увидим, платоновские герои привыкают ко многим вещам, но сначала ограничимся двумя отрывками:

— Тебе ничего сейчас, не жалко со мною жить? — спросила она.

— Нет, мне ничего, — ответил Никита. — Я уже *привык быть счастливым* с тобой («Река Потудань» [13, т. 4, с. 454¹]).

Сычов оглядел всех своих живых бойцов. Красноармейцы были безмолвны. Они *привыкли терпеть бой* и могли стерпеть даже смерть, но сердце их *не могло привыкнуть к разлуке* с тем, кого оно любило и что ушло от него безответно навеки («Оборона Семидворья» [13, т. 5, с. 177]).

Оба примера представляются по-особому «платоновскими». Слова Никиты дают нам понять, что даже к тому, чтобы быть счастливым, нужно привыкнуть. А описание похорон командира роты, на наш взгляд, передает платоновскую мысль о том, к чему надо и не надо привыкать в катастрофах, таких как война. Можно заметить, что писатель придает слову «привыкнуть» особенное значение, поскольку оно появляется в самом конце обоих рассказов.

1 Курсив в цитированных платоновских текстах здесь и далее наш. — С.Н.

В настоящей статье хотелось бы показать, что, во-первых, слово «привыкнуть» имеет важное значение, особенно в поздних (т. е. военных и послевоенных) произведениях А.П. Платонова, а во-вторых, что его можно отнести к вопросу «платоновского традиционализма»². Важно отметить, что слово «привыкнуть» обращает на себя внимание платоноведов. Ян Лохер выделяет концепт «привычности», не теряющий центральной функции, по мнению исследователя, «со времени написания “Реки Потудань” и до самой смерти писателя» [5, с. 596]. Исследователь правильно указывает на амбивалентность платоновского отношения к «привычности»:

Жизнь без *привыкания* и *отвыкания* невозможна; во всяком случае, без них нельзя осознать жизнь во всей ее сложности. Неясно, относится ли констатация *привык / отвык* к шкале ценностей «плохое — хорошее»; у Платонова неясно и то, в какой мере осмысленная жизнь обусловлена такой аксиологической шкалой, так как *привыкание / отвыкание* может служить ложным оправданием любого действия, любого отношения [5, с. 596; курсив Я. Лохера].

Михаил Михеев также обращает внимание на «идею *привыкания, привычности* или того, что герою оказывается *по пути*, что он делает, так сказать, *походя*, без специального усилия, просто по ходу дела» [6, с. 725; курсив М. Михеева]. На наш взгляд, исследователь немного сужает значение платоновского «привыкания», относя его только к идее «*попутности* жизни» или «*неразборчивости*» в образе героя рассказа «Возвращения» [6, с. 725; курсив М. Михеева]. На самом деле, А.П. Платонов в этом произведении подразумевает и положительное значение «привыкания» для человека, как и в «Реке Потудань»: даже к счастью нужно привыкнуть. Во всяком случае, можно сказать, что вопрос о «привыкании / отвыкании» давно находится в орбите вопросов платоноведения.

К чему привыкают платоновские герои?

У А.П. Платонова слово «привыкнуть» появляется уже в ранней прозе первой половины 1920-х гг. (но ни разу в стихах, что заслуживает внима-

² Вопрос о «традиционализме» А.П. Платонова обращает на себя все больше внимания в последнее время [2; 3; 8].

ния). Оно стало приобретать заметную частоту и особенные коннотации, по-видимому, во второй половине 1920-х гг. В 1930–1940-е гг. данное слово находится уже в центре внимания писателя, который, на наш взгляд, переформулировал свое понимание того, что означают привыкание и привычка для человека. Это можно подтвердить на основании военных и послевоенных произведений А.П. Платонова. Рассмотрим конкретно, к чему и как платоновские герои привыкают³.

1) Горе, страдание, боль. Им часто приходится привыкать к мучительным состояниям, к которым обычно привыкнуть нельзя. Но у А.П. Платонова люди часто привыкают к горю, страданию, боли. Примечательно, что он изображает привыкание не только как результат («привык(ла/ли)»), но и как процесс («привыкая», «начинали/стали привыкать»). В этом отношении представляется, что он считает «привыкание» скорее сознательным действием, нуждающимся в проществе определенного времени: «Они [прочие люди. — С.Н.] *привыкли к горю*, им оно легко, дадим пока им мало, и они будут нас любить» («Чевенгур» [13, т. 3, с. 329]); «...но все же бабы вскрикивали повсеместно и, *привыкая к горю*, держали постоянный вой» («Котлован» [13, т. 3, с. 495]); «...они [дети. — С.Н.] уже *начинали привыкать мучиться*, и им дремалось ко сну» («Июльская гроза» [13, т. 6, с. 33]); «Однако постепенно вдова успокоилась, потому что *стала уже привыкать к своему страданию*, и привычка служила ей облегчением» («Пустодушие» [13, т. 5, с. 250]); «— Разорви меня, нас тогда двое будет. Один останется землю муравьям пахать, а другой к матери твоей пойдет. Рви меня пополам, *мне не больно, я привык*» («Осьмушка» [13, т. 6, с. 140]).

2) Смерть. В военных рассказах А.П. Платонов изображает людей, пытающихся привыкнуть к смерти. Можно сказать, что привыкание к смерти представляет собой одну из главных тем его военных рассказов⁴: «— Давай их [немецкие танки. — С.Н.] остановим всех — не страшно, *я видел смерть, я привык к ней*» («Одухотворенные люди» [13, т. 5, с. 105]); «Роза

3 Оговоримся, что мы займемся, главным образом, специфически «платоновскими» примерами использования данного слова. У него, конечно, бывают и более стандартные, обыкновенные примеры, которые все же отличаются чем-то «платоновским».

4 Правда, у А.П. Платонова и до войны появляется привыкание этого типа: «Маленький Назар не хотел уходить от матери. Он ей говорил, что привык умирать и больше не боится, что он мало будет есть» («Джан» [13, т. 4, с. 120]). Но все-таки следует сказать, что данный мотив стал играть центральную роль в военных рассказах.

всего не знала, а что знала, про то сказать не могла, потому что если бы сказала, то умерла бы сама по себе, от своего стыда и сердца, а этой смерти Роза не хотела, она думала, что эта смерть вечная... *К немецкой же смерти Роза начала уже привыкать*» («Девушка Роза» [13, т. 5, с. 243]); «— А я что же, товарищ капитан... Я солдат, я к смерти давно привык, почему же меня не посылаете на дело?» («Офицер и солдат» [13, т. 5, с. 311]).

Стоит отметить, что в «Божьем дереве», первом рассказе А.П. Платонова военных лет⁵, «привыкание к смерти» уже тематизируется:

Немецкий офицер взял со стола револьвер.

— Сейчас вы научитесь.

— Убьешь, что ль? — спросил Трофимов.

— Убью, — подтвердил офицер.

— *Убивай, мы привыкли*, — сказал Трофимов.

— А теперь *отвыкнуть захотел*? — спросил офицер.

— *Отвыкнуть захотел*, — согласно сообщил Трофимов. — Теперь вам пора к смерти привыкать.

Офицер поднялся и ударил пленника рукояткой револьвера в темя на голове. — *Отвыкай!* — воскликнул фашист [13, т. 5, с. 14].

В как бы философском диалоге с немецким офицером речь затрагивает и «отвыкание», очевидно, от жизни. В сочетании глаголов «привыкнуть / отвыкнуть» с существительными «жизнь / смерть» намечено платоновское понимание человеческой жизни — ее временного характера или времени как ее необходимого момента. Для А.П. Платонова сущность жизни и смерти можно постигнуть только с помощью «теченья времени» (название одного из платоновских рассказов), а не с помощью какой-нибудь вечной, вневременной правды. С такой точки зрения, может быть, следует понимать платоновскую запись 1944 г. по поводу смерти сына: «Как Тоша, умирая, говорил: “важное, важное, самое важное”, — и умер, не сказав самого важного. Так самое важное уносится в могилу» [12, с. 249].

3) Жизнь. Не удивительно, что платоновские герои должны привыкнуть также и к жизни. Естественно, что выражение «привык(ла/ли) жить»

⁵ Согласно комментариям к восьмитомному собранию сочинений, впервые о работе над этим рассказом упоминается в его письме от 4 августа 1941 г. [13, т. 5, с. 515].

используется часто по отношению к взрослым и старшим людям: «Айдым ошупала на становище всех спящих и беспамятных: *они привыкли жить*, дышали, и никто из них не умер» («Джан» [13, т. 4, с. 193]); «Дед долго жил на свете и *так привык жить, что забыл о смерти* и никогда не собирался помирать» («Дед-солдат» [13, т. 5, с. 16]); «Да надо бы пожить еще, я уж *привык жить, и отвыкать надобности нету!*..» («Офицер и солдат» [13, т. 5, с. 278]); «— Я больная, да терпеливая и *к жизни привычная*» («Великий человек» [13, т. 6, с. 54]).

Интересно, что подобные выражения появляются и в платоновских произведениях о детях, детских рассказах и сказках⁶; в таких случаях часто используются выражения «*не привык(ла/ли) жить*»: «...к биению своего сердца она [Джумаль. — С.Н.] уже *привыкла* и не боялась, что оно остановится» («Такыр» [13, т. 4, с. 296]); «— Отчего ты такая глупая? — Ни отчего. Я еще маленькая, *не привыкла жить*» («Теченье времени» [13, т. 6, с. 66]); «Я забыл, как я начал жить на свете, как прожил первые дни и *привык потом быть живым*» («Первый день на свете» [13, т. 6, с. 191]); «Ивану было скучно одному без матери. *Не привыкши жить*, он не знал, что ему надо думать, что делать и что происходит кругом на свете» («Дар жизни» [13, т. 6, с. 192]).

Представляется, что А.П. Платонов придает моменту «привыкания к жизни» важное значение для детей, поскольку он имеет отношение к противопоставлению «видение — узнавание», которое играет важную роль в поэтике писателя и, следовательно, в его понимании действительности и жизни [7, с. 18–20, 49–52]. В рассказе «Дар жизни», например, контрастность и взаимодополнительность «видения — узнавания» представлены в изображении восприятия ребенка и взрослого человека:

Глядя на мать, Иван *видел ее и видел то, что она говорила ему*: землю, освещенную солнцем и звездами, на которой хотелось жить со всеми людьми, и людей, что проходили через самое его сердце, сопровождаемые словами матери, людей добрых и кротких или грозных и страшных, разных и непохожих друг на друга, но одинаково влекущих к себе [13, т. 6, с. 193].

6 Об общих жанровых вопросах платоновских детских рассказов и сказок, а также о литературно-политическом контексте этих жанров в СССР см. комментарии Н. Корниенко [13, т. 6, с. 366–390].

Солдат посмотрел на Ивана долгим радующимся взглядом, словно *постепенно узнавая в Иване того, кого давно искал и уже забыл в лицо, а встретив, не сразу понял...* [13, т. 6, с. 208].

4) Любовь, счастье. Если любовь и счастье составляют самые важные моменты жизни, то следует, что и к ним нужно привыкнуть в связи с ее временным характером. Иначе говоря, любовь и счастье сами содержат в себе момент привыкания. На наш взгляд, А.П. Платонов относится к ним с этой точки зрения, изображая людей, привыкающих любить и быть счастливыми с помощью течения времени: «— Тебе ничего сейчас, не жалко со мною жить? — спросила она. — Нет, мне ничего, — ответил Никита. — Я уже *привык быть счастливым с тобой*» («Река Потудань» [13, т. 4, с. 454]); «Анна Гавриловна поняла своего мужа. Она отвернула одеяло, положенное на диване для Кондрата <...>: пусть Кондрат спит удобно и нежно, если надо его считать сыном, а *сердце затем само привыкнет его любить*» («Старый механик» [13, т. 4, с. 517]); «Я *привык любить свою жену*, я часто забываю о ней среди многих забот и обязанностей, но и без памяти о ней душа моя молча страдает, что нет ее со мной, что, может быть, нет ее в живых на свете» («Размышления офицера» [13, т. 5, с. 228]); «— Ступайте теперь к своим родителям, — говорит им Иван. А звери ему отвечают: — Не пойдем, — говорят, — ты добрый, и *мы к тебе привыкли*» («Иван-чудо» [13, т. 6, с. 272]); «Он читал когда-то, что черепахи живут долго, а *старик не хотел, чтобы то существо, к которому привыкнет его сердце, погубило раньше его*» («Любовь к родине, или путешествие воробья» [13, т. 4, с. 473]).

Можно ли жить по привычке?

Как известно, исследователи давно отмечают у А.П. Платонова тему «стыда быть счастливым». В своей классической статье Леонид Карасев сформулировал: «...стыд становится полноправным хозяином в чувствах платоновских взрослых людей» [4, с. 121]. Владимир Варавя утверждает, что нравственную философию писателя можно резюмировать так: «*Счастливым быть стыдно*» [1, с. 193; курсив В. Варавы]. Действительно, в «Котловане» Вошев говорит: «...наш класс весь мир чувствует, а счастье все равно буржуазное дело... От счастья только стыд начнется!» («Котлован» [13, т. 3, с. 426]). И в «Афродите», написанной во время войны, герой верит, что

«в стремлении к счастью для одного себя есть что-то низменное и непрочное» («Афродита» [13, т. 5, с. 355]).

Между тем в поздних платоновских произведениях можно заметить развитие и углубление темы счастья. Например, сказка «Безручка» заканчивается следующим предложением: «Несчастье хоть и живет на свете, да нечаянно, а счастье должно жить постоянно» [13, т. 6, с. 287]. Это, возможно, представляет собой продолжение размышлений писателя на данную тему, начатых во время войны: «Теперь давно миновали те счастливые мирные годы. И они не могли длиться постоянно, ибо и счастье должно изменяться, чтобы сохраниться» («Афродита» [13, т. 5, с. 343]).

По поводу «Безручки» Роберт Чандлер отмечает, что в ее финале наиболее полно разрешаются платоновские темы о «добре» и «доброте» [9, с. 279–280]. Нельзя не согласиться с его заключением: «В своих сказках, этой последней главе сочинений, изданных при жизни, Платонов утверждает свою веру в счастье» [9, с. 280]. Остается лишь добавить, что для писателя военного и послевоенного периодов существенным оказался еще один момент счастья — привыкание. На наш взгляд, это повлияло на платоновское понимание счастья коренным образом, что хотелось бы назвать «традиционалистским углублением» позднего Платонова.

Мотив «жизни по привычке» приобрел основное значение в платоновских военных рассказах именно потому, что во время войны жить по привычке невозможно: «Все здесь [в русской избе. — С.Н.] было знакомо, просто и убого, но мило и привычно сердцу и ненадоедливо, как хлеб» («Никодим Максимов» [13, т. 5, с. 194]); «До вечера еще время нам было; мы маленько уже обжились в избе и привыкать стали; солдат обвыкается с местом скоро — медлить ему некогда» («Страх солдата» [13, т. 5, с. 370]); «Глядя на это небо, в груди человека подымается счастливое желание долго жить на земле и еще раз будущим годом снова увидеть лето сначала» («Домашний очаг» [13, т. 5, с. 205]). Снова увидеть, т. е. узнавать, дорогое и дорогих — это ценнейший момент «жизни по привычке», представляющий собой счастье.

Правда, надо вспомнить, что у А.П. Платонова отношение к «жизни по привычке» всегда амбивалентно. В рассказе «Бессмертие» (1936) есть следующий диалог:

— Нарком [Л. Каганович. — С.Н.] сказал, что *привычка нас губит. Человек должен уметь отвыкать и жить заново...*

— Слышал, — сказал Едвак. — Он нарком, а я нет.

— Ты нет, — произнес Левин. — Ты вчера два поезда задержал на десять минут, два вагона перекидывал — пять сцепщиков нагнал. Тебе бы надо моим дедом быть: тот три телеги нанимал, когда нужна была одна. Первая не приедет, у второй шкворень согнется, а уж третья как-нибудь явится...

Едвак осовел от обиды [13, т. 4, с. 376].

Видимо, здесь нет (или очень мало) авторской иронии к словам наркома и героя. Скорее, автор приспособляется к официальной идеологии, пропагандирующей ускоренное обновление и уничтожение старого быта. Обиженная реакция Едвака, помощника Левина, мотивирована тем, что его сопоставляют с «дедом», человеком отжившей эпохи. Интересно заметить, однако, что в этом сопоставлении все-таки есть юмор, происходящий, пожалуй, от мнения Платонова о русскости или русской душе⁷.

В военное и послевоенное же время, когда привыкание / отвыкание получило для А.П. Платонова новое освещение, он описывает пожилых людей, которые пытаются изменить старые привычки, чтобы привыкнуть к новым: «Он сам погрузил свой хлеб на воз и поехал с ним в районную кооперацию, а жену оставил дома, *чтоб она подумала одна и постепенно привыкла к его новому мероприятию*» («Добрый Кузя» [13, т. 5, с. 130]); «И они *по привычке пошли к своей избе, где были теперь ясли*» («От хорошего сердца» [13, т. 6, с. 108]). А.П. Платонов, придавая большое значение «жизни по привычке», все-таки верил в способность людей привыкнуть к новой жизни после утраты старой. Таков динамизм платоновского традиционализма.

Стоит коснуться и другого вопроса: к чему его герои не могут привыкнуть и от чего они отказываются отвыкнуть? Этот вопрос важен потому, что он имеет отношение к теме «постоянное» для человека: «Они [красноармейцы. — С.Н.] *привыкли терпеть бой* и могли стерпеть даже смерть, но сердце их *не могло привыкнуть к разлуке с тем, кого оно любило и что*

7 Н. Корниенко пишет по этому поводу: «...он сам был носителем уникальных для советского писателя знаний о реальной жизни провинции эпохи нэпа — и это знание во многом определяет его жесткое противостояние основному направлению и пафосу советской литературы и главное обвинение, которое он до конца жизни будет ей предъявлять: незнание и нежелание знать жизнь народа» [14, с. 60].

ушло от него безответно навеки» («Оборона Семидворья» [13, т. 5, с. 177]); «— Мать с дочкой, — сказал бабай [о коровах. — С.Н.]. — Дочка выросла, а дурная; от матери не отвыкла. — Зачем ей отвыкать, — сказал Беспалов, — у нее мать хорошая, она дитя свое от ветра бережет» («Крестьянин Ягафар» [13, т. 5, с. 39]); «Однако от этой земли, серой и равнодушной, отвыкнуть было нельзя никому, кто на ней родился однажды. И кузнец, карел Нигарэ, тоже не мог отвыкнуть от привычной земли» («Сампо» [13, т. 5, с. 110]).

Эти отрывки ясно показывают платоновскую позицию: нельзя отвыкнуть от того, что любишь, а особенно от того, что тебя родило⁸. В ней заключается, возможно, основной пафос платоновских военных рассказов.

Как мы пытались показать, платоновская тема «привыкание / отвыкание» углубляется в военных и послевоенных произведениях. Это углубление можно считать «традиционалистским», поскольку оно основано на мысли, что человеку следует жить по привычке, а не по разуму или «плановому мышлению» по терминологии Т. Сейфрида [10]. Если у А.П. Платонова утопизм и традиционализм противоречат друг другу, то данное противоречие проходит именно по вопросу «или по плану, или по привычке». Можно сказать, что этот вопрос не утратил актуальности для писателя до самого конца. Молодой пафос, с которым он однажды сформулировал: «Вы люди законные и достойные, я человеком только хочу быть. Для вас быть человеком привычка, для меня редкость и праздник» [13, т. 8, с. 15], должен был в нем остаться. Он понимает значение привыкания для человека, так как ему самому было нелегко привыкнуть к жизни.

«Время и место» традиционализма (вместо заключения)

В завершение хочется сказать следующее: неслучайным представляется связь мотива «привыкания» с традиционализмом, если вспомнить роман Сергея Аксакова «Семейная хроника», где привычка и привыкание выделяются как важные критерии образа жизни:

8 Нужно отметить, что этот мотив наблюдается и в более ранних произведениях. Например, в повести «Хлеб и чтение» (1932): «После смерти родителей, всех братьев и сестер, Щеглов жил у знакомых и никак не мог отвыкнуть от любви к погребенному отцу и матери» [13, т. 3, с. 464].

Грустно было Степану Михайловичу расставаться с сестрицей; по душе она пришлась ему всеми своими свойствами, и *привык он к ней чрезвычайно* <...>. «Ну что, сестрица, за житее тебе с нами, — говорил Степан Михайлович. — У нас жизнь скучная, но *мы уже к ней привыкли*. Ты человек еще молодой (ей был тридцатый год), ты богата, *ты привыкла не к такой жизни*» [11, с. 55; курсив наш. — С.Н.]

Одно только поддерживало духовные силы Софьи Николаевны: мысль, что она скоро уедет и постарается никогда не заглянуть в Багрово. Если бы кто-нибудь сказал ей, что она будет жить в нем постоянно, до старости, и даже кончит жизнь, она бы не поверила и отвечала бы искренне, что лучше согласна умереть... *Но только к тому человек не привыкнет и того не перенесет, чего Бог не пошлет!* [11, с. 118; курсив наш. — С.Н.]

В аксаковском романе мотив «привыкания» играет важную роль в представлении, что люди старших поколений жили не модами или идеями, а привычками и обычаями, что с точки зрения писателя хорошо.

Как известно, консерватизм (или традиционализм) родился как философский ответ на Французскую революцию («Размышления о Французской революции» Эдмунда Берка 1790 г. [15]), которая провозгласила идеалы свободы и равенства, основываясь не на традиции или авторитете, а на разуме и просвещении. Если Русская революция явилась делом «строителей страны», убежденных в разуме и просвещении еще сильнее своих предшественников, то естественно, что «реально существующий социализм» дал мощный импульс развитию консерватизма XX в. не только в России, но и во всем мире.

Что же касается А.П. Платонова, односторонне было бы считать его консерватором или традиционалистом. Но повторим, что он в своих (особенно поздних) произведениях обращается к антиномии между плановым мышлением и привыканием, идеалом и привычной жизнью.

Список литературы

Исследования

1. *Варава В.* Нравственные искания Платонова в романе «Чевенгур» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Вып. 6 / ред.-сост. Н.В. Корниенко. С. 190–198.

- 2 Власова Н. Будущее на грозном перевале истории: Недетский «детский» рассказ «Июльская гроза» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Вып. 8 / ред.-сост. Н.В. Корниенко. С. 292–297.
- 3 Дырдин А. О «медленной пользе»: Славянофильские акценты «Чевенгура» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Вып. 6 / ред.-сост. Н.В. Корниенко. С. 73–80.
- 4 Карасев Л. Знаки «покинутого детства» (Анализ «постоянного» у А. Платонова) // Корниенко Н., Шубина Е. (ред.) Андрей Платонов: Мир творчества. М.: Современный писатель, 1994. С. 105–121.
- 5 Лохер Я. Поэтика рассказа «Божье дерево» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5 / ред.-сост. Н.В. Корниенко. С. 595–600.
- 6 Михеев М. Андрей Платонов... и другие: Языки русской литературы XX века. М.: Языки славянской культуры, 2015. 821 с.
- 7 Нонака С. Сокровенные тропы: Поэтика стиля Андрея Платонова. Белград: Логос, 2019. 179 с. URL: http://www.philhist.spbu.ru/images/books/Innermost-tropes_FoG-print.pdf (дата обращения: 01.09.2021).
- 8 Серафимова В. Ребенок в художественном мире Платонова и Распутина // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 5 / ред.-сост. Н.В. Корниенко. С. 291–296.
- 9 Чандлер Р. Последнее слово Платонова: Новый взгляд на «Волшебное кольцо» // «Страна филологов»: Проблемы текстологии и истории литературы. К юбилею члена-корреспондента РАН Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 272–281.
- 10 Seifrid T. Platonov and Dissidence // Russian Literature. 2013. Vol. 73, issue 1–2. С. 285–300. DOI: 10.1016/j.ruslit.2013.01.014

Источники

- 11 Аксаков С. Семейная хроника; Детские годы Багрова-внука. М.: Новатор, 1996. 378 с.
- 12 Платонов А. Записные книжки: Материалы к биографии / сост., подгот. текста, примеч. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. 424 с.
- 13 Платонов А. Собрание / сост., подгот. текста, коммент. Н.В. Корниенко. 2-е изд. М.: Время, 2011–.
- 14 Платонов А. «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. / сост., вступ. ст., коммент. Н. Корниенко и др. М.: Астрель, 2014. 685 с.
- 15 Burke E. *Reflections on the Revolution in France*. Indianapolis: Hackett Pub, 1987. 288 p.

References

- 1 Varava, V. “Nравstvennyye iskaniia Platonova v romane *Chevengur*” [“Platonov’s Moral Quest in the novel *Chevengur*”]. Kornienko, N.V., editor. “*Strana filosofov*” *Andreia Platonova: Problemy tvorchestva* [“*Country of Philosophers*” of *Andrey Platonov: Problems of Creativity*], vol. 6. Moscow, IWL RAS Publ., 2005, pp. 190–198. (In Russ.)

- 2 Vlasova, N. "Budushchee na grozovom perevale istorii: Nedetskii 'detskii' rasskaz 'Iiul'skaia groza'" ["Future on the Thunderous Pass of History: Unchildlike 'Children's' Story 'July Thunderstorm'"]. Kornienko, N.V., editor. *"Strana filosofov" Andreia Platonova: Problemy tvorchestva* ["Country of Philosophers" of Andrey Platonov: Problems of Creativity], vol. 8. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, pp. 292–297. (In Russ.)
- 3 Dyrdin, A. "O 'medlennoi pol'ze': Slavianofil'skie aktsenty *Chevengura*" ["On the 'Slow Benefit': Slavophile Accents of *Chevengur*"]. Kornienko, N.V., editor. *"Strana filosofov" Andreia Platonova: Problemy tvorchestva* ["Country of Philosophers" of Andrey Platonov: Problems of Creativity], vol. 6. Moscow, IWL RAS Publ., 2005, pp. 73–80. (In Russ.)
- 4 Karasev, L. "Znaki 'pokinutogo detstvo' (Analiz 'postoiannogo' u A. Platonova)" ["Signs of 'Abandoned Childhood' (Analysis of the 'Permanent' in A. Platonov)"]. Kornienko, N., and E. Shubina, editors. *Andrei Platonov: Mir tvorchestva* [Andrey Platonov: The World of his Work], Moscow, Sovremennyi Pisatel' Publ., 1994, pp. 105–121. (In Russ.)
- 5 Locher, J. "Poetika rasskaza 'Bozh'e derevo'" ["Poetics of a Short Story 'The God's Tree'"]. Kornienko, N.V., editor. *"Strana filosofov" Andreia Platonova: Problemy tvorchestva* ["Country of Philosophers" of Andrey Platonov: Problems of Creativity], vol. 5. Moscow, IWL RAS Publ., 2003, pp. 595–600. (In Russ.)
- 6 Mikheev, M. *Andrei Platonov... i drugie: Iazyki russkoi literatury XX veka* [Andrey Platonov... and Others: Languages of the Twentieth Century Russian Literature]. Moscow, Iazyki Slavianskoi Kul'tury Publ, 2015. 821 p. (In Russ.)
- 7 Nonaka, S. *Sokrovennye tropy: Poetika stilija Andreia Platonova* [Innermost Tropes: The Poetics of Andrey Platonov's Style]. Belgrade, Logos Publ., 2019. 179 p. Available at: http://www.philhist.spbu.ru/images/books/Innermost-tropes_For-print.pdf (Accessed 01 September 2021) (In Russ.)
- 8 Serafimovich, V. "Rebenok v khudozhestvennom mire Platonova i Rasputina" ["Child in the Fictional World of Platonov and Rasputin"]. Kornienko, N.V., editor. *"Strana filosofov" Andreia Platonova: Problemy tvorchestva* ["Country of Philosophers" of Andrey Platonov: Problems of Creativity], vol. 5. Moscow, IWL RAS Publ., 2003, pp. 291–296. (In Russ.)
- 9 Chandler R. "Poslednee slovo Platonova: Novyi vzgliad na 'Volshebnoe kol'tso'" ["The Last Word of Platonov: A New Look on the 'Magic Ring'"]. *"Strana filologov": Problemy tekstologii i istorii. K iubileiu chlena-korrespondenta RAN N.V. Kornienko* ["Country of Philologists": Problems of Textual Criticism and History. Festschrift for Corresponding Member of Russian Academy N.V. Kornienko]. Moscow, IWL RAS Publ., 2014, pp. 272–281. (In Russ.)
- 10 Seifrid, T. "Platonov and Dissidence." *Russian Literature*, vol. 73, issue 1–2, 2013), pp. 285–300. DOI: 10.1016/j.ruslit.2013.01.014 (In English)